

Гурин К. Е. Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шантеля Муффа // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 185–192.

Келли А. Республика под судом: Герцен и 1848 год // НЛО. 2002. № 53 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/kelly.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Малия М. Революция 1848 года // НЛО. 2001. № 49 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/malia.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Павлов А. В. Учение о государстве и праве А. И. Герцена : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 190–205.

Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. СПб. : Изд-во «Азбука-Аттикус», 2011.

УДК 94(470.54-25).084:314

Д. С. Бахарев

НАСЕЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1860 г. ПО ДАННЫМ Х. И. МОЗЕЛЯ: К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИКИ ГЕНШТАБА

Статья посвящена критическому анализу данных о населении Екатеринбурга, опубликованных в «Материалах для географии и статистики России» Генштаба России, собранных в конце 1850-х – начале 1860-х гг. под руководством Х. И. Мозеля. По итогам работы можно сделать вывод об относительной достоверности информации касательно общей численности населения и наличии большого количества погрешностей в сведениях о сословно-религиозном составе населения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая демография, источниковедение, демографический источник, Екатеринбург XIX в.

Одной из важнейших черт современной исторической науки является ее цифровизация, вызванная как идейными соображениями – высокими требованиями к достоверности исследования, так и инструментальными возможностями – компьютерными технологиями. Опора на статистику, построение с ее помощью непрерывных динамических рядов эффективно иллюстрирует и придает убедительность нарративным

историческим теориям. В ряду показателей, чья важность для реконструкции прошлого неоспорима, стоит динамика численности населения – отдельного города, региона или страны. Эта характеристика является важнейшей для составления «демографического портрета» территории; без нее нельзя представить настоящий масштаб происходящих событий и степень их значимости. Особенно интересен данный показатель для изучения эпох, когда происходят значительные демографические сдвиги.

Именно такая ситуация характерна для России XIX в., особенно ее второй половины. Великие реформы Александра II интенсифицировали модернизационный процесс в империи, ускорив передвижение масс населения и запустив демографическую революцию. Самые серьезные демографические изменения произошли в среде городского населения вследствие урбанизации, которая затронула, в первую очередь, торгово-промышленные центры России. К числу последних принадлежал и объект нашего исследования – Екатеринбург, имевший статус уездного города Пермской губернии. Однако чтобы учесть масштаб произошедших изменений, необходимо знать численность населения, предшествовавшую Великим реформам. Самой подходящей контрольной точкой, запечатлевшей демографический облик Екатеринбурга, Пермской и многих других губерний накануне эпохи перемен, является масштабное статистическое исследование Генерального штаба Российской империи, проведенное в конце 1850-х – начале 1860-х гг.

Русская военная статистика по своей сути была самостоятельной и весьма заметной ветвью статистической организации в России XIX в. Главными органами, ведавшими этим направлением в военном ведомстве, были Военно-учетный комитет Главного штаба и Николаевская академия Генерального штаба [см.: Rich, p. 623]. Их силами в течение первой половины XIX в. было выпущено три издания «Военно-статистических обозрений Российской империи». «Обозрения» включали общую статистическую и географическую информацию о территориях и предназначались для внутреннего использования в военном министерстве. Однако качество информации в этих источниках оставляло желать лучшего: при сборе сведений офицеры Военно-учетного комитета не руководствовались никакой единой научной методологией, что делало собранные данные ненадежными, непроверяемыми и в итоге бесполезными [см.: Ibid., p. 627]. Предпосылки для изменения ситуации постепенно складывались в стенах Николаевской академии Генерального штаба. Последняя являлась элитным военным учебным заведением, в котором

проходило переподготовку небольшое число уже действующих офицеров императорской армии; здесь преподавались иностранные языки (в том числе арабский, турецкий, фарси и татарский), политическая и военная история, стратегия и тактика, фортификация, география, военная статистика, управление и математика. В целом академия была проникнута характерным для этого времени духом сциентизма, позитивизма и романтизма [см.: Rich, p. 625–626].

Именно сюда в 1840-е гг. на должность инструктора военной статистики и географии пришел будущий военный министр и реформатор русской армии, капитан Дмитрий Алексеевич Милютин. Он фактически создал российскую военно-статистическую науку, разработал авторский курс и внедрил его в программу обучения академии [см.: Ibid, p. 627–629]. Распространению новой методологии на ведомственную практику, однако, мешали недоверие и фактическая опала, в которой находилась академия Генштаба в поздние годы правления Николая I. Но навыки, полученные курсантами на занятиях Милютина, не пропали даром – выпускники академии этих лет принимали самое активное участие в экспедициях Императорского Русского географического общества, составляя целое «сословие» «генштабистов» внутри ИРГО.

Событием, послужившим причиной перелома сложившейся ситуации, стала Крымская война. В условиях противостояния с сильным, зачастую превосходящим противником потребность Генштаба в качественных статистических сведениях необычайно обострилась, а имевшиеся в его распоряжении данные были малонадежны и неудовлетворительны. После поражения в войне и воцарения нового монарха одной из его первоочередных задач стала военная реформа, частью которой было преобразование военно-статистической службы. Уже в 1857 г. был модернизирован курс статистики в академии Генштаба, академические методологические разработки внедрены в практику Военно-учетного комитета, а сам комитет взял за правило открыто публиковать результаты своих исследований. В этом же году началось новое, четвертое по счету обследование губерний Российской империи офицерами Генштаба, но уже на новых основаниях [см.: Ibid, p. 631–632]. В число избранных для изучения территорий вошла и Пермская губерния, куда отправилась экспедиция под руководством подполковника Христиана Ивановича Мозеля.

Помимо начальника, мы можем также предположить еще одного члена экспедиции – капитана Адольфа Ивановича Мозеля, брата Христиана Ивановича. Оба брата стали офицерами в один день – 7 августа 1851 г.

(по старому стилю), оба были офицерами Генштаба [Список подполковникам..., с. 519; Список генералам..., с. 912]. Адольф Мозель также был выпускником Николаевской Императорской военной академии 1855 г. [Императорская Николаевская военная академия].

В задачи экспедиции входило масштабное описание как природных, естественных условий Пермской губернии, так и местного культурного, экономического и политического быта. Первая краткая публикация результатов работы экспедиции была сделана в 1860 г. именно Адольфом Ивановичем на страницах «Пермских губернских ведомостей» в номерах с 1 по 12, а также в 44 и 45 под заголовком «Статистическое Описание Пермской губернии» [см.: Мозель, 1860, с. 3–8]. Этот труд моментально завоевал авторитет среди местных краеведов, став классическим источником в их среде. Следующей публикацией Адольфа Мозеля стала заметка в «Памятной книжке Пермской губернии» за 1863 год под названием «Географическое положение Пермской губернии. Границы, пространство и разделение ее в административном и хозяйственном отношении» [см.: Мозель, 1863, с. 3–12]. Анализируя содержание обеих работ, нетрудно заметить их очевидный «нарративный» географический крен. Дело в том, что в качестве «контрольной точки» экономических и демографических статданных экспедицией был выбран 1860 г. и местные власти попросту не успевали вовремя предоставить актуальную статистику (напомним, что работа экспедиции началась, по всей видимости, в 1857–1858 гг.). По признанию Христиана Ивановича, последние необходимые для издания сведения ему прислали лишь в 1863 г. [см.: Мозель, 1864, ч. 1, с. XVI]. Таким образом, финальное издание результатов обследования офицерами Генерального штаба Пермской губернии вышло в начале 1864 г. в двух томах, общей сложностью более 1 200 стр.

Значительную часть опубликованных сведений составляло подробное демографическое описание населения Пермской губернии, в том числе Екатеринбургa. При анализе достоверности этих данных в первую очередь возникает вопрос об их происхождении. В ходе работы экспедиции Мозеля были изучены десятки источников; для их описания Х. И. Мозель составил классификацию, в рамках которой выделялись официальные/частные и печатные/рукописные [см.: Мозель, 1864, ч. 1, с. II–XV]. Однако информация о численности и составе населения отдельного уездного города за 1860 г. не слишком актуальна, чтобы печататься во всероссийских изданиях (например, в «Отчетных таблицах статистического комитета»), а местные статистические органы еще не взяли за привычку публиковать сведения подобного рода.

Единственный источник из списка, приведенного Х. И. Мозелем, который мог содержать свежую и однородную губернскую статистику – это данные губернского статистического комитета (ГСК), предоставляемые властями офицерам Генштаба по прямому запросу (у Мозеля – «Сведения, доставленные от разных должностных лиц и правительственных учреждений, по требованиям составителя общего статистического описания губернии»). Губернские статистические комитеты этого времени, в свою очередь, подсчитывали население следующим образом: брали численность жителей за известный год и прибавляли к ней показатели естественного прироста. Долгое время такой подход к расчетам влиял на серьезную погрешность конечных результатов, так как «известным годом» обычно выступали данные ревизского учета, который к началу XIX в. превратился в анахронизм, а источником цифр естественного прироста – церковные сведения, чье качество в первой половине XIX в. было чрезвычайно низким.

Однако в середине века картина серьезно изменилась. После многократных попыток Министерство внутренних дел выработало собственную методику сбора данных, создав таким образом новый вид учета в Российской империи – административно-полицейский. Первым удачным обследованием населения Российской империи такого рода был учет населения 1858 г. По своему качеству результаты учета были признаны превосходящими данные X ревизии 1857 г. [см.: Кабузан, с. 97–100]. Что касается данных об естественном приросте, то к середине века качество церковного учета этого показателя становится удовлетворительным [см.: Там же, с. 99]. Административно-полицейский аппарат также начинает фиксировать и механические перемещения жителей страны. Таким образом, вопрос о том, какие сведения о численности екатеринбургских горожан были взяты Мозелем в качестве «исходных», остается открытым: это могло быть как обследование МВД 1858 г., так и X ревизия 1857 г. Оба показателя имели широкое хождение, более того, не существовало никаких инструкций о предпочтении какого-либо из них.

Чтобы разрешить эту проблему, мы можем опереться на приведенные в издании сведения о населении Пермской губернии. Чрезвычайно удачным является то, что Х. И. Мозель помимо статистики за 1860 г. привел также данные за предшествующие годы, в том числе 1858 г., что позволяет провести прямое сравнение всех трех показателей (табл. 1).

Очевидно, что данные Мозеля гораздо ближе к результату административно-полицейского учета, чем к ревизскому. Чтобы объяснить 10-тысячную разницу между ними, можно предположить, что «генштабисты»

Т а б л и ц а 1

**Численность мужского населения
Пермской губернии за 1858 г.***

Источник	Х ревизия (с регулярной армией)	МВД	Х. И. Мозель
Численность	916 964	975 499	985 520

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 1, с. 300; Кабузан, с. 104].

прибавили к данным МВД данные о приросте населения за 1858 г. Если мы проделаем эту операцию, используя информацию о естественном и механическом приросте населения, приведенную Мозелем, то получим следующий результат (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Численность и движение мужского населения
Пермской губернии за 1858 г.***

Показатели	Количество, чел.
Численность по данным МВД	975 499
Естественный прирост	7 895
Прирост за счет иммиграции	16
Прирост за счет вышедших в отставку военных	2 669
Прирост за счет пойманных бродяг, беглых и дезертиров	96
Всего:	986 142

* Составлено по: [Кабузан, с. 104; Мозель, 1864, ч. 1, с. 305, 311, 321, 322, 325].

Полученное итоговое количество даже несколько больше, чем приведенное Х. И. Мозелем. Это можно объяснить тем, что в исследовании Генштаба цифра естественного прироста взята не за весь год, а за несколько месяцев, так как военные статистики могли быть точнее осведомлены о периоде, за который был проведен учет населения полицией в 1858 г.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что в статистико-географическом исследовании Пермской губернии офицерами Генштаба в 1860 г. в качестве «опорной» статистической отметки были исполь-

зованы результаты административно-полицейского обследования населения губернии 1858 г. Данные за последующие годы дополнялись за счет церковного учета естественного прироста, официальных данных о механическом приросте, а также ежегодного персонального локального учета полицейскими «по кварталам и станам».

Население Екатеринбурга, согласно труду Х. И. Мозеля, в 1860 г. составляло 19 832 человека, из них 9 839 мужчин и 9 993 женщин. Сословная структура Екатеринбурга 1860 г. удивляет большой долей крестьян в населении города – 46,6 % – при относительно небольшом проценте городских сословий – 22,9 % (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Население Екатеринбурга по сословиям в 1860 г.*

Сословия	Численность, чел.	Численность, %
Сельские	9 234	46,6
Городские	4 535	22,9
Военные	3 258	16,4
Лица иных разрядов	1 195	6,0
Дворяне	1 173	5,9
Духовенство	328	1,7
Иностранцы	107	0,5
Инородцы	2	0,01
Всего:	19 832	100,0

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727–728].

Почти через сорок лет перепись 1897 г. зафиксировала в Екатеринбурге почти равные доли крестьян и мещан: 42,1 % и 42,5 % соответственно [см.: Первая всеобщая перепись..., с. 2]. Это противоречит общему представлению о развитии позднеимперских городов, согласно которому рост числа крестьян в населении города – это продукт пореформенной урбанизации. Еще одной заметной особенностью является значительный процент лиц военных сословий: после военной реформы 1884 г. эта группа сословий перестала пополняться, к 1897 г. исчезнув из структуры населения.

Религиозная структура населения города не вызывает больших вопросов: безусловное преобладание православных, значительная доля единоверцев и старообрядцев, традиционное для Екатеринбурга компактное и стабильное представительство протестантов и католиков (европейские специалисты и их потомки), а также небольшое количество мусульман – мигрантов из окрестной сельской местности (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Религиозная структура населения Екатеринбурга в 1860 г.*

Вероисповедание	Численность, чел.	Численность, %
Православные	17 842	89,5
Старообрядцы	947	4,7
Единоверцы	872	4,4
Протестанты	193	1,0
Католики	47	0,2
Мусульмане	36	0,2
Всего:	19 937	100,0

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727].

Очевидной, однако, является ошибка в расчетах: численность населения города, изначально заявленная Мозелем (19 832 чел.), не сходится с суммой представителей всех религиозных конфессий (19 937 чел.). Это довольно типичная ситуация для дореволюционной статистики, но, учитывая небольшие размеры некоторых конфессий Екатеринбурга, даже 105 «мертвых душ» могут внести существенное искажение в численность религиозных меньшинств.

Оценивая достоверность вышеприведенных сведений, мы имеем удачную возможность их сличения с хронологически близкими данными. В 1860–1861 гг. в соответствии с Высочайшим положением в России было реорганизовано все статистическое дело, в том числе губернские статистические комитеты. Одним из самых заметных для общества результатов этой реформы стала открытая публикация некоторых статистических сведений, до этого предназначавшихся лишь для внутреннего пользования, в том числе статистики народонаселения. В Пермской губернии

впервые такого рода сведения были опубликованы в первой «Памятной книжке» на 1863 г.¹, изданной губернским правлением в 1862 г. и включавшей демографическую статистику за 1861 г. Таким образом, мы имеем данные о населении Екатеринбурга за год, смежный с приведенным Мозелем, и, кроме того, имеющие, по нашему мнению, то же самое происхождение.

Сравнение данных 1860 и 1861 гг. вызывает вопросы, главным из которых является серьезная разница в численности горожан – 1 571 чел. (19 832 и 21 403 чел. населения соответственно). Для уездного города, пусть и регионального торгово-промышленного центра, почти 8 % за год – это колоссальный прирост. Причины такого прироста, по нашему мнению, имеют несколько объяснений (естественных и формальных). Во-первых, оба статистических корпуса имеют неясную хронологию внутри года. Если к концу XIX в. традиционным становится исчисление на 1-е января, то в исследуемых случаях это совсем не очевидно. Хотя и в том, и в другом издании опубликованы сведения о движении населения за эти же годы, что дает основание предполагать исчисление сводных показателей на конец года, но могут быть и сбитые (неодинаковые) даты учета населения. Учитывая масштабы естественного прироста населения Екатеринбурга за 1861 г. – 155 чел. [Памятная книжка, с. 122, 134, 138–139], очевидно, что даже двойной естественный прирост не в состоянии компенсировать то увеличение населения, которое произошло, исходя из приведенной статистики. Чтобы подробнее разобраться в причинах этого феномена, нами было проведено сравнение сословного состава населения по данным обоих источников (табл. 5).

При сравнении двух корпусов данных подтверждается единство их происхождения – названия и описания сословных групп в источниках практически идентичны. Кроме того, для данных из «Памятной книжки» выявлена та же проблема, что и для издания Генштаба – сумма представителей всех сословий меньше заявленной численности горожан на 190 чел., что касается увеличения численности сословий в составе населения города, то самым заметным из них является рост сельских сословий. Изучение сословных подгрупп выявило главные группы роста –

¹ Следует заметить, что это издание осталось в истории как самая полная в статистическом отношении «Памятная книжка» Пермской губернии; последующие выпуски этой серии включали либо куда более бедную статистику, либо не включали ее вообще.

Таблица 5

Население Екатеринбурга по сословиям в 1860 и 1861 гг.*

Сословия	Х. И. Мозель	Памятная книжка
Сельские	9 234	10 245
Городские	4 535	4 594
Военные	3 258	3 702
Лица иных разрядов	1 195	1 101
Дворяне	1 173	998
Духовенство	328	473
Иностранцы	107	99
Инородцы	2	1
Всего:	19 832	21 213

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727–728; Памятная книжка..., с. 96–98].

«крестьяне государственные всех наименований» (прибавилось 359 чел.), «горного ведомства заводские мастеровые» (440 чел.) и «крестьяне хлебопахотные» (173 чел.). Причина их массового переселения приводится в этом же источнике: «переселение же заводских людей в 1861 году было сильно от увольнения от службы выслуживших узаконенные сроки мастеровых горного ведомства» [Памятная книжка..., с. 100], что подтверждает гипотезу о дате исчисления населения в конце года.

Тут же находим указание на дороговизну хлеба в 1861 г. и, как следствие, миграцию населения в более богатые местности губернии (к которым, несомненно, принадлежали Екатеринбург и его уезд). Вкупе с крестьянской реформой это объясняет приток в Екатеринбург не только мастеровых, но и крестьян. Можно выдвинуть осторожное предположение, что с этими же событиями связано еще одно резкое изменение в составе населения – снижение числа дворян на 175 чел. исключительно за счет личных дворян, большинство которых обыкновенно были представителями чиновничества. Вполне возможно, что горная и крестьянская реформы упразднили часть бюрократии. Однако такое резкое снижение единственной группы населения в течение одного года вызывает подо-

зрение – с тем же успехом это колебание может быть результатом недоучета в 1860 г.

Увеличение числа представителей духовенства, в свою очередь, слабо поддается рациональному объяснению. Учитывая, что почти 150 чел. составляют исключительно «монашествующие женского пола», можно наверняка сказать, что мы имеем дело с недоучетом в материалах Мозеля. Число насельниц в екатеринбургском Ново-Тихвинском женском монастыре поступательно росло в течение всего XIX в.: в 1819 г. в монастыре проживали 152 насельницы, в 1837 г. – 246, а в июле 1873 г. – 429 [см.: Нечаева]. На этом фоне информация о том, что в 1860 г. в Екатеринбурге находилось 76 монахинь, а в 1861 – 272, выглядит откровенно неправдоподобной. С другой стороны, компактно живущие и подотчетные епархии монахини должны были быть наиболее просто учитываемой категорией населения. В качестве объяснения этой статистической аномалии можно предположить, что в 1860 г. к категории духовенства были причислены лишь монахини, в то время как послушницы и белицы, число которых обычно в разы превосходило монашествующих, были учтены по своему исконному сословию.

Другой резко выросшей социальной стратой стали военные, чей рост за год составил почти 450 чел. Львиная доля этого прироста (350 чел.) пришлось на две группы: «отставные нижние чины, солдатские жены и дочери» и «солдатские дети и кантонисты». При этом самое очевидное объяснение – массовое возвращение на родину отставных чинов, которое как раз и происходило волнами – в нашем случае не подходит, так как 2/3 этого прироста приходится на женщин. У нас нет удовлетворительных объяснений данному феномену, кроме предположения о связи с вышеупомянутым массовым освобождением мастеровых и крестьян от службы на заводах.

Сравнение данных о распределении населения Екатеринбурга по религиям за 1860 и 1861 гг., помимо вышеупомянутой погрешности данных 1860 г. на 105 чел. (табл. 6), дало лишь два повода к комментариям. Первый связан с резким снижением числа приверженцев старообрядчества и единоверия в городе: суммарно обе конфессии «потеряли» 358 верующих. Причиной этого может быть как реальная миграция, так и бюрократическая подтасовка цифр – известно, что чиновники, которым было невыгодно иметь в своем регионе большое число раскольников, искусственно занижали их количество в отчетах. Имея в виду то, что профессиональными исследователями старообрядчества уже отмечалась ненадеж-

Т а б л и ц а 6

**Распределение населения Екатеринбурга по религиям
в 1860 и 1861 гг.***

Вероисповедание	Численность, чел.	Памятная книжка
Православные	17 842	19 756
Старообрядцы	947	818
Единоверцы	872	643
Протестанты	193	112
Католики	47	45
Мусульмане	36	27
Иудеи	0	2
Всего:	19 937	21 403

* Составлено по: [Мозель, 1864, ч. 2, с. 727; Памятная книжка..., с. 110].

ность данных административно-полицейского учета (и конкретно «Памятных книжек» Пермской губернии) относительно численности старообрядцев [см.: Клюкина-Боровик, с. 127–130], наиболее вероятной выглядит версия о недоучете либо искусственном занижении числа приверженцев старообрядчества и единоверия в статистике 1861 г. Второй вопрос касается серьезного снижения числа протестантов (на 81 чел.). Однако этот момент кажется логичным связать с рассмотренным выше резким падением числа личных дворян – многие европейские специалисты и чиновники-немцы исповедовали протестантизм, и уменьшение числа членов этой общины в таком случае выглядит закономерным.

Подводя итог анализу информации, опубликованной в «Материалах для географии и статистики Пермской губернии», собранной и изложенной экспедицией Генштаба во главе с подполковником Х. И. Мозелем, можно сделать ряд выводов. Их происхождение, по всей видимости, связано с деятельностью губернского статистического комитета. Тот, в свою очередь, в качестве «точки отсчета» использовал результаты административно-полицейского обследования населения Российской империи 1858 г. Затем они дополнялись сведениями об естественном приросте населения, предоставляемыми церковными органами, и сведениями

о механическом движении населения по данным полиции и государственных органов. Опора этого статистического массива на данные обследования 1858 г. – несомненное достоинство; близость 1858 и 1860 гг. снижает вероятность серьезных изменений в составе населения, для которых нужно «длинное» время. Кроме того, к плюсам можно отнести однородность данных с последующими показателями ГСК Пермской губернии, благодаря единству их происхождения.

Слабые стороны опубликованной информации были общими для результатов работы ГСК второй половины XIX в. Во-первых, проблема неопределенности даты обследования затрудняет проверочные подсчеты и синхронизацию с историческим процессом. Во-вторых, классическая для статистики этого времени проблема ошибочных расчетов: приводимое Х. И. Мозелем число жителей Екатеринбурга – 19 832 чел., на 105 меньше, чем сумма приверженцев всех упомянутых им конфессий – 19 937; предпочитая первое число, мы, таким образом, приписываем сотню «мертвых душ» неизвестным конфессиями и наоборот. Значительное повышение в 1861 г. численности крестьян и снижение количества личных дворян нам кажется правильным связать с реформами, в ходе которых от службы освобождалось большое количество мастеровых и крестьян по всему горнозаводскому Урала, а часть чиновной бюрократии неизбежно сокращалась. Эта гипотеза снимает с Мозеля обвинение в недостоверности. Однако, в свою очередь, откровенной ошибкой выглядит недоучет монашествующих женщин в 1860 г., которые были либо по большей части не учтены совсем, либо разделены на монахинь и послушниц, после чего последние записаны в свои старые сословия. Наконец, странным и пока необъяснимым выглядит рост численности членов отставного военного сословия в 1861 г., в первую очередь, за счет женщин. Отсутствие правдоподобной объяснительной гипотезы оставляет допустимым предположение об очередном недоучете в 1860 г. Что касается религиозной структуры, то здесь, за исключением 105 «мертвых душ», опубликованные в издании Генштаба данные выглядят даже более достоверными, чем в следующем году, за счет объективно более правдоподобной информации о числе старообрядцев и единоверцев в городе. В качестве дополнительного минуса следует учесть чрезвычайно слабый учет механического движения населения. Например, по данным Мозеля в 1854 г. в Пермскую губернию переселилось 8 человек, в 1858 – 33, а в 1860 – 56 [см.: Мозель, 1864, ч. 1, с. 321].

Вероятно, такая слабая регистрация мигрантов могла существенно исказить конечные сведения о численности и составе населения губернии и уездов. Несколько сглаживает ситуацию упомянутая близость 1860 г. к 1858-му, когда в рамках обследования МВД жители империи были учтены де-факто. Помимо этого, в «Памятной книжке...» за 1863 г. есть прямое указание на неверность части данных за 1860 г.; это замечание было сделано относительно всей губернии без указаний на конкретные уезды и города, что не освобождает екатеринбургские данные от проверки.

По итогам исследования можно заключить, что статистические данные о народонаселении Екатеринбургa за 1860 г., опубликованные в работе Х. И. Мозель, по большей части пригодны к использованию. Несомненно, общая численность жителей, зафиксированная в обследовании Генштаба, правдоподобна и заслуживает доверия. В то же время статистика, касающаяся сословной и религиозной структуры населения, включает достаточно много погрешностей и неточностей, что требует детального анализа обстоятельств учета каждой отдельной группы населения.

Императорская Николаевская военная академия. Выпускники с 1851 по 1860 гг. // Русская Императорская Армия : [сайт]. URL: <http://regiment.ru/reg/VI/A/1/3-2.htm#1855> (дата обращения: 13.01.2019).

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М. : Наука, 1992.

Клюкина-Боровик Ю. В. Переписи и материалы статистического учета численности старообрядцев Екатеринбургa в 1860–1890-х гг. // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2015. № 4 (12). С. 124–130.

Мозель А. И. Географическое положение Пермской губернии. Границы, пространство и разделение ее в административном и хозяйственном отношениях // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Пермь : Губернская Типография, 1862. С. 3–12.

Мозель А. И. Статистическое Описание Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1860. № 1. Часть неофиц. С. 3–8.

Мозель Х. И. Пермская губерния. СПб. : тип. Ф. Персона, 1864. Ч. 1 (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [Т. 18]).

Мозель Х. И. Пермская губерния. СПб. : тип. Ф. Персона, 1864. Ч. 2 (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [Т. 18]).

Нечаева М. Ю. Екатеринбургский в честь Тихвинской иконы Божией Матери (Новотихвинский) женский монастырь // Православная энциклопедия [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/189627.html> (дата обращения: 14.01.2019).

Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год: год первый / ред. С. С. Пенном. Пермь : Губернская Типография, 1862.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 31. Пермская губерния. СПб. : Слово, 1904.

Список генералам по старшинству. Исправлено по 15-е февраля [1875 г.]. СПб. : Воен. тип., 1875.

Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1-е апреля [1867 г.]. СПб. : Воен. тип., 1867.

Rich D. Imperialism, reform and strategy: Russian military statistics, 1840–1880 // *Slavonic and East European review*. 1996. Vol. 74, Nr 4. P. 621–639.

УДК 94(470.5).081/.082:61(093)

Д. Э. Черноухов

«ЗЕМСКО-МЕДИЦИНСКИЙ СБОРНИК» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1870–1880-х гг.

«Земско-медицинский сборник» стал первым сводным обобщением результатов развития земской медицины в Пермской губернии. Его материалы отражают специфику региона с его огромной, в основном слабозаселенной территорией: большой размер врачебных участков, концентрацию врачей в крупных населенных пунктах, острый недостаток стационарных лечебных заведений, высокую текучесть квалифицированных кадров. Он позволяет проанализировать нормативную базу, финансирование, сеть участков, состав персонала, основные направления деятельности земской медицины в Пермской губернии, проследить динамику ее роста за два десятилетия. Проведенный автором анализ свидетельствует о высокой верифицируемости материалов «Земско-медицинского сборника» по Пермской губернии, их ценности для исследователей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Земско-медицинский сборник», история медицины, источник, Пермская губерния, врачи.

Земские учреждения в России традиционно уделяли большое внимание гласности своей работы, регулярно публикуя результаты по основным направлениям деятельности, в том числе по медицине. В Пермской губернии был издан обширный комплекс различных материалов: нормативных, делопроизводственных, статистических.